

Александр Юдин
Пленники темного мира

Книга 1
Зов потерянных

Пленники тёмного мира

Александр Юдин

Пленники тёмного мира
01 - Зов потерянных

«Автор»

2025

Юдин А.

Пленники тёмного мира 01 - Зов потерянных / А. Юдин —
«Автор», 2025 — (Пленники тёмного мира)

Первая книга серии «Пленники тёмного мира» во вселенной "Миры серых". Мир живёт в постоянном страхе перед «серыми» — таинственными существами, которые похищают самое ценное: детей. Когда пропадает дочь главного героя, он отправляется на поиск возможности вернуть ее. В дороге к нему прибивается маленькая девочка, потерявшая всё: семью, дом и ощущение безопасности. Теперь их совместный путь в мире наполненном ужасом — это не только спасение дочери, но и испытание, где каждый шаг может стать последним. А в это время похищенная девочка пытается выжить по ту сторону — в страшном мире серых, где действуют чужие законы и правила.

© Юдин А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1: Тени коридора	5
Глава 2: Потушенные свечи	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Юдин

Пленники тёмного мира

01 - Зов потерянных

Глава 1: Тени коридора

Воздух в квартире стоял густой и ледяной, словно само пространство затаило дыхание перед чем-то непоправимым. Коридор тянулся вперёд — бесконечный, глухой, — и отец с дочерью крались по нему, стараясь не нарушить тишину. Слышалось лишь потрескивание свечей в старинных подсвечниках — хрупкий, неверный звук, едва царапающий ночную тьму.

Отец — крепкий, широкоплечий — шёл, стиснув зубы. В свободной руке он сжимал самодельную биту, обмотанную тряпьем. Бесплезная штука. Он это знал. Не тот враг, не тот случай. Но бросить её не мог — как не мог бросить последнюю иллюзию контроля.

Дочь — совсем ещё девочка, тонкая, с длинными тёмными волосами и огромными глазами — шла рядом, не смея произнести ни слова. Она чувствовала, как отцовская ладонь, стискивающая её пальцы, подрагивает от напряжения. И от этой дрожи — дрожи взрослого, сильного человека — внутри неё поднимался страх, какого она никогда раньше не знала.

Каждый их шаг отзывался тихим эхом, и казалось, будто что-то за пределами зрения внимательно следит за ними, подстраивая свой ритм под их движение. Тени от свечей расплзались по стенам, и собственные силуэты выглядели чужими — громоздкими, искажёнными, будто принадлежали кому-то другому.

— Тише, — прошептал отец. Голос вышел сиплым и глухим, словно стены проглотили звук. Дочь молча кивнула и ещё сильнее вцепилась в его руку.

Страх пожирал его изнутри — мерзко, настойчиво, как червь, вгрызающийся в мысли. Впервые в жизни он понимал, что роль защитника, которую он всегда носил как броню, стала просто пустой оболочкой. Спасти. Любой ценой. Не отдать её им. Он твердил это про себя, но не знал, верит ли собственным словам. Сердце сжималось от невыносимой мысли — подвести её. Эту хрупкую девочку, которая смотрит на него с абсолютным доверием.

А девочка чувствовала, как паника зреет в груди горячим комком. Каждый странный звук, каждая метнувшаяся по стене тень заставляли сердце подпрыгивать, будто от удара. Отцовская рука — единственное, что удерживало её на плаву. Но вместе с надеждой она несла и тревогу. Что-то глубоко внутри, какое-то древнее, звериное чутьё подсказывало: их жизнь уже никогда не будет прежней. Они стоят на краю чего-то чудовищного, и это чудовищное собирается во тьме, терпеливое и голодное. Каждый шорох оборачивался зловещим шёпотом, каждая тень грозила проглотить остатки её детства.

Они приближались к входной двери — последнему спасительному кругу посреди штормового моря. Отцу казалось: если они выберутся хотя бы на площадку — то это спасет их. Нет. Не спасет. Он просто хотел верить. Ладонь его взмокла, а мысли металась вихрем, в котором страх переплетался с безысходностью.

«Добрались. До них добрались. Спрятать не удалось». Мысль проступала снова и снова, навязчивая, как пульс. Он не мог поверить — они пришли за ней. За его единственным сокровищем. За всем, что у него осталось. Она была его светом, его смыслом, и осознание того, что ей грозит опасность, разрывало его на части.

Дочь шла рядом и всё понимала. Она чувствовала тревогу, сочащуюся из каждого его жеста, из каждого напряжённого вдоха. Его рука стала ледяной. Страх накрывал девочку медленно и неотвратимо, как чёрная вода. Каждый скрип половицы, каждый треск свечного

фитиля гнал её сердце вскачь. Она вцепилась в отцовскую руку — единственное убежище, которое у неё оставалось.

Каждая секунда в этом непроглядном мраке давила на него всей тяжестью мира. Дверь была впереди — он видел её, — но она словно отдалялась с каждым шагом, издевательски недоступная. Времени на сомнения не оставалось. Он должен пойти. Должен.

Серые облака — те самые, о которых шептались перепуганные люди, — пробрались сюда. В их последнее убежище. Отец слышал их шорох: таинственный, утробный, похожий на предсмертный хрип. Эти создания были не из нашего мира — они скользили между реальностями, их природа была чужда всему человеческому. И каждый родитель, столкнувшийся с ними, знал: «Серые» — это конец. Конец надежд, конец детского смеха, конец всего.

Мужчина с ужасом осознал: все его усилия оказались напрасны. Он допустил ошибку, и они нашли его. Эта мысль стиснула сердце раскалёнными клещами. Перед глазами снова замелькали воспоминания: первые исчезновения, пустые детские кровати, лица родителей, на которых застыло немое горе. Зачем они забирают детей? Для чего? Он до дрожи боялся ответа — и ещё больше боялся, что та же участь настигнет его дочь.

Девочка, стиснув ладошкой его пальцы, чувствовала всё. Её глаза блестели от страха. Каждый треск доски под ногами, каждый шорох в тёмных углах нашёптывал: вы больше не одни. «Серые» — невидимые, безжалостные, рождённые из глубины ночи — уже прокрадывались к ним. Она знала, что надо бежать. Но оставаться рядом с отцом казалось единственным, что ещё имело смысл.

Когда они наконец подошли к двери, отец осторожно прислонил битую к стене, высвобождая руку. Не хотел отпускать дочь — ни на секунду. Сердце колотилось так, что отдавало в висках. Он оттолкнул страх, вдохнул глубоко, до ломоты в рёбрах, и потянулся к дверной ручке. Зловещая тишина стояла вокруг, плотная, как саван.

Он знал: к утру всё может измениться. Их мир может перестать существовать. Но пока он держит её за руку — он не отдаст её. Никому. Ни за что.

Тишина раскололась.

По стенам прокатились стуки — оглушительные, настойчивые. Они шли отовсюду разом: из-за обоев, из-под пола, из потолка — словно десятки невидимых кулаков колотили изнутри, требуя впустить. Стуки нарастали, приближались, и с каждым ударом воздух становился плотнее, тяжелее.

Отец замер. Сердце рванулось в горло.

Дочь всхлипнула, прижавшись к нему. Её глаза — два круглых озера ужаса. Стены, которые ещё недавно были укрытием, теперь сжимались вокруг них, превращаясь в ловушку. Это были «серые» — они собирались, стягивались, как стая молчаливых хищников, окружающих добычу.

— Нет, нет, нет, нет, нет! — зачастил отец, словно эти слова были заклинанием, способным их остановить.

Стуки разрастались, заполняя собой всё пространство, вытесняя воздух, мысли, волю. Надо было действовать — немедленно. С каждым ударом «серые» подбирались ближе, и отец знал: выбора не осталось.

Они уже были здесь. Их тени металась по стенам в рваном свете свечей — дёрганые, неестественные, как в кошмарном сне. Паника захлестнула его, и он рванулся к двери, волоча дочь за собой.

«Бежать! — молнией ударило в мозг. — Бежать, пока не поздно!»

Он рванул дверь на себя. Затхлый, пропитанный сыростью воздух подъезда ударил в лицо. Отец выдернул дочь за порог — её маленькие ноги едва поспевали, она почти бежала по воздуху, вцепившись в его пальцы. Мокрые стены, запах плесени, ржавые перила — всё несло мимо размытыми пятнами. За спиной — шорохи. Шёпот. Звуки, от которых стыла

кровь. Что-то следовало за ними в темноте, и оно не отставало. Сердце отца колотилось в такт шагам, и одна мысль горела в голове: наружу. Вырваться наружу. Подальше от их дыхания за спиной.

Стены подъезда начали меняться. Сначала по штукатурке поползли чёрные разводы — будто стены заливало тёмной маслянистой жидкостью. А потом из трещин, из щелей между плитами, из швов между кирпичами повалили серые клубы. Они выползали наружу, словно что-то древнее и голодное наконец прорвало преграду. Облака пожирали остатки света, вбирали его в себя и оставляли лишь непроглядный мрак. Они двигались медленно, но неумолимо, извиваясь, закручиваясь в спирали — живые, осмысленные, полные тёмных намерений.

От серых клубов исходил холод — проникающий, нездешний. Он вымораживал кожу, гнал кровь от поверхности вглубь тела. Облака переплетались, складываясь в почти человеческие фигуры, обступая отца и дочь со всех сторон. Из их глубины доносился шёпот — не слова, а тени слов, хаотичные обрывки чужих мыслей, которые проникали в сознание, убаюкивали, подталкивали к краю безумия. И стуки — непрекращающиеся, ритмичные, отдающиеся эхом в костях, — сводили с ума.

Отец чувствовал, как холод заползает под кожу, струится по венам ледяной ртутью. Он заставлял себя не смотреть на них. Только вперёд. Только вперёд. Спасти её.

Они бросились к лестничной площадке. Шаги гроыхали в пространстве, заполненном нарастающей серой массой. Но на повороте путь преградило облако — оно встало стеной, медленно клубясь, искажая воздух вокруг себя. Пространство выло от хриплого шёпота. Стуки бились в унисон с его бешеным пульсом, и разум метался, как зверь в клетке.

Отец остановился. Куда? Куда бежать? Мысли распались на осколки — звук, который издавали «серые», проникал в голову, размывал волю, путал. Он изо всех сил сжимал руку дочери, но пальцы слабели, будто кто-то невидимый мягко, настойчиво разжимал их.

Девочка вдруг ощутила прикосновение — ледяное, нечеловеческое — к плечу, к спине, к рукам.

Прежде чем отец успел понять, что происходит, её вырвали из его хватки.

Одним движением. Без усилия. Словно отобрали пёрышко у ребёнка.

Время остановилось. Он обернулся — и мир перевернулся.

Перед ним стояло нечто. Не человек. Не зверь. Не тень. Оно было соткано из серых клубов, которые непрерывно ходили вокруг него, скрывая и обнажая контуры чего-то невозможного. В кромешной тьме подъезда лишь лунный свет, сочившийся через грязное окно, выхватывал его очертания. Два глаза — тусклые, мертвенно-холодные — горели в том месте, где должно было быть лицо. Но лица не было: только размытые, оплывшие черты, словно кто-то вылепил его из тени и не закончил работу.

Существо держало дочь. Она висела в воздухе — беспомощная, бледная, с распахнутыми от ужаса глазами.

Адреналин вспыхнул в его крови, как бензин от спички. Страх и ярость сшиблись в груди — и ярость победила. Он шагнул вперёд.

— НЕТ! — Крик вырвался из самого нутра, рваный, звериный. Он прорезал тьму, как лезвие. В его глазах пылала последняя, отчаянная решимость — решимость человека, которому нечего терять.

Девочка, вися в воздухе, почувствовала, как серые облака хлынули на неё. Они обвили тело — холодные, липкие, живые — и потянули к стене. Рывок был таким сильным, что перехватило дыхание. Время сломалось: вокруг загрохотало, завывало, и отцовские крики стали далёкими, приглушёнными, будто он кричал из-под воды.

Её тело проходило сквозь что-то — границу, мембрану, портал, — и по ту сторону ждала только тьма. Плотная, абсолютная, голодная тьма. Серый дым стремился поглотить её целиком, и холод пронзил до самого сердца — не физический, а тот, от которого умирает надежда.

Грохот стуков смешивался с её криками, и всё отдалялось, отдалялось, будто она падала на дно колодца, из которого нет возврата.

Последнее, что она сделала — обернулась к отцу. Их глаза встретились на один бесконечный миг: её — полные ужаса и мольбы, его — полные бессилия и любви.

И её поглотило. Пронесло сквозь стену, в неизвестность, во тьму. И в тот же миг всё оборвалось.

Осталось только эхо. Её последний крик:

— Папа!..

Звук прокатился по подъезду, ударился о стены, отразился и стих. Тишина сомкнулась, как могильная плита.

Он стоял на том же месте. Смотрел на стену — глухую, ровную, безразличную, — за которой только что исчезла его дочь. Сердце горело, словно в грудь вогнали раскалённый прут. Крик застрял в горле. Перед глазами плыло — слёзы, которых он не замечал, текли по лицу.

Она исчезла. Так внезапно. Так безвозвратно.

Тишина давила со всех сторон. Стуки прекратились. «Серые» ушли. Вокруг осталась только ночь — пустая, равнодушная, беспощадная. Адреналин ещё бурлил в крови, но тело не слушалось. Ноги подкосились. Он привалился спиной к стене и медленно сполз вниз, на ледяной бетонный пол.

Сидел в темноте. Один. И тьма, обступившая его, была уже не снаружи — она была внутри.

Глава 2: Потушенные свечи

Андрей сидел на холодном бетонном полу подъезда, привалившись спиной к стене. Утро наступило без него — первые лучи солнца пробились сквозь запылённые окна и легли на пол тусклыми полосами, высвечивая пыль на плитках. Он не замечал этого. В голове — хаос. Мысли бились друг о друга, обрывались, путались, не давая ухватиться ни за одну. Сердце ныло — тупо, тяжело, — и боль эта была не физической. Это была боль пустых рук, которые ещё помнили тепло маленькой ладони.

Нужно было встать. Он понимал это. Но каждая секунда тянулась, как капля, медленно ползущая по стене, и мысль о действии вызывала лишь новый прилив тошнотворной тревоги. Оставить всё как есть — нет, этого он себе позволить не мог. Где-то глубоко, под толщей отчаяния, ещё тлела искра.

Он пытался собрать себя по кусочкам. Но каждый раз, когда ему почти удавалось, новая волна сомнений смывала всё.

Сколько он просидел так — час, два, четыре? — он не знал. Наконец заставил себя подняться. Упёрся ладонью в стену, стиснул зубы, оттолкнулся. Каждый мускул протестовал. Тело, казалось, хотело остаться здесь, в этом холодном оцепенении, — проще, безопаснее, не нужно ничего решать. Но он не мог. У него была цель. Единственная, ради которой стоило подняться.

Настя.

Он медленно побрёл к квартире, придерживаясь за стену, волоча ноги, словно каждый шаг стоил ему год жизни. Добравшись до двери, толкнул её и шагнул в темноту. Дверь закрылась за ним, и тишина обступила со всех сторон — привычная, как старая боль. Её здесь не было. Мысль простая, короткая — и невыносимая.

В квартире стоял полумрак. Рассветный свет заползал по стенам, слабый и холодный. Все свечи, горевшие ночью, погасли. На столе лежали их восковые огарки — скрюченные, застывшие, — и горький запах воска всё ещё висел в воздухе, как след от чего-то, что уже не вернёшь.

Он сел на кровать. Пружины жалобно скрипнули. Знакомое место — и чужое, словно квартира перестала быть его домом в тот самый момент, когда из неё исчезла дочь. Андрей закрыл лицо руками. Между пальцев проступили слёзы, и безысходность накрыла его — вязкая, душная, не оставляющая просвета.

Он пытался удержаться на плаву, но мысли расплывались, затягивая его всё глубже. Потерянный. Заброшенный в пропасти собственного сознания. Тишина вокруг была оглушающей, и только его дыхание — хриплое, тяжёлое — напоминало о том, что он ещё жив.

Андрей — мужчина средних лет, некогда крепкий и уверенный в себе. Высокий, подтянутый, с харизмой, которая притягивала людей, — он умел улыбаться так, что чужие тревоги рассеивались. Но это было давно. Теперь от того человека осталась лишь оболочка. Усталый, запавший взгляд, в котором читалась глубина пережитого. Лицо, изрезанное ранними морщинами, — каждая из них была следом потерь, бессонных ночей и невыносимого бессилия.

Он всегда был заботливым — из тех, кто первым приходит на помощь. Но этот мир методично забирал у него всё, что было дорого, подменяя тепло оцепенением, а доброту — опустошением.

Волосы его поседели раньше срока. Глаза, когда-то живые и тёплые, теперь отражали только тревогу. Все попытки спасти Настю обернулись ничем. Сколько они скитались. Сколько раз срывались с места, прятались, искали решение — и не находили. Это бесконечное противостояние выпило его до дна.

Когда «серые» появились впервые, мир содрогнулся.

Новость о похищениях ударила по обществу, как нож под рёбра. Сначала — слухи, шёпот, недоверие. Люди обсуждали угрозу вполголоса, словно боясь, что громкое слово привлечёт внимание невидимого врага. Привычный уклад жизни дал трещину и начал осыпаться.

Родители первыми ощутили ужас. Осознание того, что их ребёнок может стать следующим, превращало каждый день в пытку. Над городами легла тень — не метафорическая, а почти осязаемая. На улицах — напряжённые голоса, заплаканные лица, разговоры, обрывающиеся на полуслове. Тревога переросла в паранойю. Семьи начали разрушаться: одни замыкались в себе, другие срывались друг на друга. Дети исчезали не все разом — по одному, по двое, — но именно эта постепенность сводила с ума. Каждое утро город просыпался с вопросом: кто следующий?

Многие бежали. Уходили из городов в глушь, в леса, в заброшенные деревни — куда угодно, лишь бы подальше. Каждая ночь превращалась в испытание на прочность. Как правило, решались на это те, кто мог прокормить себя вдали от цивилизации. Остальные — оставались и ждали.

В мире, охваченном страхом, мародёрство стало обыденностью. Государственные системы безопасности рассыпались на глазах. Полиция не справлялась, армия не понимала, с чем воевать. И когда стало очевидно, что защитить не может никто, люди начали защищать себя сами — часто за счёт других.

По ночам, когда города погружались во тьму и страх заполнял улицы, мародёры выходили на промысел. Дома, брошенные впопыхах, магазины с выбитыми витринами — всё становилось добычей. Соседское доверие испарялось: те, с кем ещё вчера делили хлеб, сегодня могли вломиться в дверь за последней банкой тушёнки.

Оставшиеся в городах бросились укреплять жильё. Стены обрастали баррикадами, окна заколачивались. Двери, когда-то открытые для друзей, теперь перекрывались тяжёлыми конструкциями, способными выдержать осаду. Людям казалось, что стены спасут их от «серой беды». Но позже выяснилось: «серые» не знали границ. Ни стены, ни запоры, ни баррикады — ничто их не останавливало.

В отдельных районах стихийно возникали общины — замкнутые сообщества со своими правилами, своим подобием власти и одной общей целью: уберечь детей. Каждый член такой общины брал на себя часть ответственности за безопасность нового поколения.

Поначалу «серые» появлялись только ночью. Мрак был их стихией, тени — союзниками. Они скользили по улицам бесшумно, как призраки, и жители прятались за запертыми дверями, затаив дыхание, прислушиваясь к каждому шороху. Свет старались не зажигать — считалось, что он привлекает внимание. Часы ожидания превращались в пытку: сердце гремело в рёбрах, а мысли разрывались между надеждой дожить до рассвета и животным страхом перед тем, что притаилось за стеной.

Но со временем «серые» обнаглели. С каждым похищением они становились смелее, безжалостнее, — и начали появляться днём. Среди бела дня. Словно хотели показать: нет больше безопасного времени. Нет больше убежищ.

Отчаявшиеся люди хватались за то единственное, что оставалось, — за веру. В общинах стали рождаться ритуалы. Каждое семейное собрание открывалось молитвой, каждый вечер превращался в совет: как защитить, куда спрятать, чем оградить. Появились собственные календари — дни изгнания злых духов, дни привлечения добрых сил. Разум уступал место суеверию, но людям нужно было хоть во что-то верить.

В разных общинах обряды обретали свои черты: где-то жгли травы, наполняя воздух горьким ароматным дымом, где-то ставили на алтари плоды и хлеб, умоляя неведомые силы о милости. Дети участвовали в обрядах — их живые, доверчивые лица в свете факелов были для общин символом того, ради чего они ещё держатся.

Рождались легенды. Истории о героях — смельчаках, дававших «серым» отпор, — передавались из уст в уста. Рассказчики собирали вокруг себя толпы на площадях, и дети слушали, затаив дыхание, находя в этих сказаниях образцы мужества. Песни о потерях и страхе, о стойкости и надежде звучали в домах, объединяя людей хотя бы ненадолго.

Правительство, зажатое между хаосом и ответственностью, пыталось удержать контроль. Поначалу — срочные заседания за закрытыми дверями, нервные совещания, на которых чиновники спорили, не в силах договориться. Страх проникал и в кабинеты власти.

Были созданы специальные группы из военных, полицейских, учёных. В наиболее пострадавших регионах ввели чрезвычайное положение: патрули, камеры наблюдения, комендантский час. Но всё это оказалось бессильно. Мегалополисы и деревни оставались уязвимы, и безнадёжность росла.

Первой реакцией властей стало отрицание. «Серых» объявили мифом, плодом массовой истерии. СМИ транслировали официальные опровержения. Но эта стратегия лишь подлила масла в огонь: одни перестали верить властям, другие — ещё яростнее цеплялись за официальную версию, и общество раскололось. Конспирологи, паникёры, скептики, отчаявшиеся — каждый лагерь враждовал с остальными.

Когда ситуация вышла из-под контроля окончательно, правительство наконец признало угрозу и бросило ресурсы на исследования. Учёные, частные компании, военные лаборатории — все были мобилизованы. Но результаты приходили медленно, а население требовало действий немедленно.

Организовывались круглые столы, публичные собрания, горячие линии. Каждое обещание безопасности повисало в воздухе, как пустой звук: страх перед «серыми» пропитал всё — от политики до повседневного быта. Правительство металось между попытками успокоить и попытками действовать, и эта суета лишь усиливала недоверие.

Специальные группы учёных — те, кого собрали в спешке и бросили на передовую, — начали изучать феномен вплотную. Почему только дети? Что происходит с ними после похищения? Для чего они нужны «серым»? Вопросы множились, ответов не было. Исследователи собирали свидетельства очевидцев, анализировали обрывки воспоминаний, фиксировали закономерности — и натывались на пустоту.

Их работа принесла первые плоды: системы раннего оповещения, приборы ночного наблюдения, экспериментальные устройства обнаружения. Лаборатории гудели от споров и экспериментов, десятки идей боролись за право быть воплощёнными.

Но с прогрессом пришли и последствия. Некоторые учёные, одержимые жадой разгадки, перешагнули черту — моральные нормы отступали перед масштабом угрозы. Эксперименты становились рискованнее, устройства — непредсказуемее. Каждый шаг вперёд нёс с собой угрозу обострения. И когда что-то шло не так, общество немедленно находило виновных: пальцы указывали на исследователей.

Учёные и военные оказались меж двух огней — между незримым врагом и разъярённой толпой. Их жажда знаний могла стать спасением, а могла породить новый кошмар. Со временем давление стало невыносимым: ожидания общества, собственный страх, тяжесть ответственности — всё это ложилось на их плечи с каждым днём всё тяжелее.

«Серые» вросли в фольклор. Стали символом — не просто угрозы, а чего-то запредельного, непостижимого. Легенды о них передавались шёпотом, как заклинания. Мифы о том, как они выбирают жертв, как их обмануть, чем защититься, — стали частью повседневной жизни, страшными сказками, которые рассказывали не ради забавы, а ради выживания.

Ходили слухи о детях, вернувшихся из плена. Эти истории разгорались быстро — как огонь в сухой траве — и вселяли безумную надежду. Но никто не мог подтвердить ни одного случая возвращения. Ни одного. Истории оставались мифом — прекрасным, необходимым,

но мифом. И всё же они давали людям то, без чего выжить невозможно: веру в то, что не всё потеряно.

Находились и те, кто не желал ждать. Смелчаки — отчаянные родители, волонтеры, ветераны — объединялись в группы сопротивления. Они патрулировали улицы днём и ночью, собирали разведанные, разрабатывали стратегии. Каждое совещание, каждая успешная операция приближали их к цели — вернуть детей. Эти группы стали оплотом надежды посреди нарастающего хаоса.

Всё это пронеслось в голове Андрея — рваными образами, вспышками чужих лиц и собственных воспоминаний. Он сидел на кровати, и мир, рушившийся вокруг, впервые за долгое время обрёл чёткость.

Страх никуда не делся. Но рядом с ним поднималось что-то другое — жёсткое, упрямое, горячее. Решимость. Он мог продолжать сидеть и горевать. Мог сдаться. А мог встать и пойти за ней. Выбор был прост — и страшен в своей простоте.

Перед глазами вспыхнуло лицо Насти — яркие глаза, улыбка, от которой светлело всё вокруг. Образ был таким живым, что у него перехватило дыхание.

Он вскочил с кровати. Руки двигались быстро, уверенно — словно тело приняло решение раньше разума. Рюкзак. Термос с водой. Пара бутербродов, оставшихся с вечера. Нож. Смена одежды. Всё, что могло пригодиться. Он складывал вещи и думал о других — таких же, как он. Отцах, матерях, которые не сдались. Которые пошли искать. Сомнениям здесь не было места. Сейчас или никогда.

Собравшись, он вышел из комнаты и двинулся к входной двери. В коридоре замер. Здесь всё ещё жило эхо — не звуковое, а какое-то иное. Эхо дочкиного смеха, её шагов, её голоса, зовущего из кухни. Он стоял и понимал: эти стены он видит в последний раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.